

УДК 329(571.1)+303

С.А. Шпагин**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ: К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Исследуются партийные системы в российских регионах на основе использования методов сравнительной политологии. На материалах выборов в Западной Сибири проведен сравнительный анализ индексов эффективного числа партий по формулам Лааксо-Таагеперы и Голосова, а также описаны основные тенденции эволюции партийных систем в сибирских регионах.

Ключевые слова: *региональные партийные системы, эффективное число партий.*

Введение

Проведение в 2011 г. очередных выборов в Государственную думу и серии выборов в законодательные собрания субъектов Российской Федерации вновь привлекло внимание общественности и исследователей к тематике политических партий и партийных систем. Хотя партии и оцениваются как относительно слабый институт российской политики [1. С. 149; 2. С. 71], а партийная система рассматривается как неинституционализируемая [3. С. 27] и неэффективно исполняющая свои основные функции [4], значение их как механизмов политической мобилизации граждан и структурирования их политических предпочтений остается весьма существенным. Причем не только на общенациональном, но и на региональном уровне.

Исследование региональной политики, выборов и режимов в России уже давно стало популярным направлением деятельности политологов. Однако исследований, непосредственно посвященных изучению региональных партийных систем, в отечественной политической науке пока немного. Среди них можно отметить работы Г.В. Голосова [5], А.В. Кынева [6] и Я.Ю. Шашковой [7]. Вместе с тем интенсивное развитие региональной политики в наши дни вносит существенные коррективы в устоявшиеся исследовательские схемы. Обновляются и те познавательные средства, с помощью которых политологи исследуют политическую жизнь на региональном уровне. Поэтому новое обращение к анализу партийных систем в российских регионах представляется вполне оправданным.

Способы классификации партийных систем

Современная сравнительная политология выработала целый ряд исследовательских инструментов, пригодных для использования в партийной регионалистике. Прежде всего, это количественные классификации партийных систем, первая из которых была предложена французским классиком партологии М. Дюверже. Она основана на критерии масштабов межпартийной конкуренции и использует в качестве критерия количество партий, легально борющихся за власть в стране. М. Дюверже выделял авторитарные однопар-

тийные системы, а среди демократических различал двухпартийные и многопартийные системы [8. С. 266–267]. Позже эту классификацию дополнил российский исследователь Г.В. Голосов, который предложил выделять в самостоятельный тип беспартийные системы тех государств, где политические партии официально запрещены или еще не сложились [9. С. 163].

Вторую классификацию партийных систем разработал Ж. Блондель. Наряду с количеством конкурирующих партий, он учитывает еще и показатель «силы партий», т.е. их результативности на выборах и влияния в политической системе. Соответственно, по месту в партийной системе партии могут быть крупными (около 40% и более голосов на выборах), средними (~20% голосов), уменьшенными средними (small to medium-sized) с показателем поддержки ~15% голосов, малыми (~10%) и очень малыми (<10%). В зависимости от сочетания разновеликих партий Блондель выделяет среди партийных систем в демократических странах двухпартийные, двух-с-половиной-партийные и два вида многопартийных – с доминирующей партией и без неё [10. Р. 308].

Классификация Дж. Сартори построена на учете уже трех новых критериев. По количеству партий в системе Сартори вслед за Дюверже выделяет однопартийные, двухпартийные и многопартийные системы. Такой критерий, как наличие или отсутствие партии большинства, позволяет ему выявить среди многопартийных систем поляризованные и системы партии большинства. Среди первых по степени идеологической поляризации различаются системы умеренного плюрализма (от 3 до 5 партий), системы крайнего плюрализма (от 6 до 8 партий) и атомизированные системы. Сменяемость правительства в зависимости от результатов выборов дает возможность классифицировать системы партии большинства на системы с несменяемой партией-гегемоном и системы с доминирующей партией, которая может потерпеть поражение на выборах. Это обстоятельство сближает системы партии-гегемона с однопартийными и позволяет оценивать их как авторитарные. Однако и поляризованные системы вызывают критику Сартори: центробежные тенденции, наличие антисистемных партий и безответственность оппозиции ослабляют систему крайнего плюрализма, а атомизированную систему и вовсе можно считать неэффективной и недееспособной из-за слишком большого количества партий. В свете таких выводов положительную оценку Сартори заслуживает только система умеренного плюрализма [11. С. 137–138].

Измерение партийных систем

Общим свойством всех приведенных выше типологий является сравнение партийных систем по количеству партий. Однако большое значение имеет не только общее количество партий в системе, но и параметры межпартийного взаимодействия, определяемые сравнительной величиной поддержки партий избирателями и представленностью их в легислатурах. Поэтому важным дополнением к подобным типологиям партийных систем стало использование различных количественных показателей, призванных оценить масштабы и интенсивность межпартийной конкуренции. Широкое распространение получил, в частности, *индекс эффективного числа партий* (ЭЧП), предложен-

ный М. Лааксо и Р. Таагеперой: «Эффективное число партий – это число гипотетических равновеликих партий, которое создавало бы такой же общий эффект фрагментации системы, как и действительное число партий неодинаковой величины» [12. Р. 4]. Этот индекс рассчитывается по формуле

$$N_2 = \frac{1}{\sum_{i=1}^n p_i^2} = \left(\sum_{i=1}^n p_i^2 \right)^{-1}. \quad (1)$$

В этой формуле p_i означает долю голосов или мест, полученных партией i по итогам выборов, а n – общее количество партий, участвовавших в выборах. Соответственно, эффективное число партий рассчитывается в двух версиях – для электоральных партий (по количеству набранных голосов) и для парламентских (по числу полученных партиями мест в органе власти). Эффективное число электоральных партий (ЭЧП_э) призвано показать степень фрагментации всего партийного сообщества, включенного в избирательный процесс. А эффективное число парламентских партий (ЭЧП_п) показывает степень фрагментации избранного парламента. Наконец, усредненные показатели эффективного числа партий за несколько электоральных циклов дают возможность отнести партийную систему к тому или иному количественному типу.

Однако применение этого исследовательского инструмента порождает и свои проблемы, которые уже не раз становились объектом внимания ученых. Главная из этих проблем – недостаточная точность определения типа партийной системы, связанная со склонностью индекса Лааксо – Таагеперы несколько «перевешивать» размер ЭЧП. В результате систему с партией-гегемоном по классификации Дж. Сартори становится почти невозможно отличить от системы с доминирующей партией. Так, по расчетам исследовательской группы М. Галлахера, на думских выборах 2007 г. в России эффективное число электоральных партий составило 2.22, а парламентских – 1.92 [13. Р. 23–24], что соответствует двухпартийной системе. Однако реальное распределение голосов и мест в парламенте заставляет усомниться в таком выводе.

Из этого методического затруднения исследователи выходят разными способами. Одни разрабатывают альтернативные ЭЧП индикаторы партийных систем. Например, Д. Рэ еще в начале 1970-х гг. предложил использовать так называемый *индекс фракционализации*. Этот показатель основан на учете только долей мест, полученных партиями на парламентских выборах. Если партия i получила на выборах долю мест S_i , то индекс фракционализации может быть вычислен по формуле [14. С. 326]

$$F = 1 - \sum S_i^2. \quad (2)$$

Однако интерпретация результатов использования этого индекса довольно сложна. Поэтому, как замечает Р. Клайн, «он не дает готовой меры количества партий, действующих в системе» [15. Р. 262].

Другим направлением поиска количественного инструментария оценки партийных систем стало выведение корректирующих ЭЧП индексов. Норвежский политолог М. Педерсен вывел так называемый *индекс волатильности*, который показывает степень устойчивости поддержки партий избирателями. Этот показатель рассчитывается на основе сравнения количества голосов, набранных партиями на текущих и предыдущих аналогичных выборах. Индекс волатильности V_t на выборах t вычисляется следующим образом:

$$V_t = \frac{1}{2} \times TNC_t = \frac{\sum_{i=1}^n |\Delta p_{i,t}|}{2}, \quad (3)$$

где $\Delta p_{i,t}$ – разность между количеством голосов, набранных партией i на текущих и на предыдущих выборах, а n – общее количество партий, принимавших участие в двух выборах. По словам М. Педерсена, V_t «есть просто сумма выигрышей (gains) всех победивших партий в партийной системе или – если предпочесть симметричную интерпретацию – количественное выражение суммарных потерь проигравших партий» [16. Р. 9]. Тем самым этот индекс фиксирует общую динамику силы партий от выборов к выборам и может выступать в качестве дополнения к ЭЧП.

Наконец, исследователи активно работают над вычислением альтернативных формул ЭЧП. Например, П. Данливи и Ф. Буасек считают, что индекс Лааксо – Таагеперы будет точнее взвешивать доли партий в системе, если его усреднить с величиной, обратной доле голосов, набранных наиболее крупной партией. В этом случае обновленная формула ЭЧП₃ приобретает весьма грозный для гуманитариев вид [17. Р. 303]:

$$N_p = \left(\frac{1}{\sum_{i=1}^n v_i^2} + \frac{1}{v_1} \right) \times \frac{1}{2}. \quad (4)$$

Недавно отечественный исследователь Г.В. Голосов также предложил альтернативную формулу ЭЧП [18]. Она выглядит следующим образом:

$$N_p = \sum_1^x \frac{S_i}{S_i + S_1^2 - S_i^2}. \quad (5)$$

Здесь x – это общее количество партий в системе, S_i означает долю голосов или мест каждой партии, а S_1 – долю партии, занявшей на данных выборах первое место. Поскольку величина первого компонента всегда равна 1, то для однопартийных систем индекс Голосова также составляет 1. В остальных случаях этот индекс дает показатель, более низкий, чем по формуле Лааксо и Таагеперы.

Представляется продуктивным сопоставить эффективность индексов Лааксо – Таагеперы и Голосова на ограниченном массиве данных, полученных по итогам региональных парламентских выборов. Это позволит не только

сделать предварительные выводы о сравнительной применимости этих исследовательских инструментов, но и уточнить имеющиеся представления о тенденциях в развитии региональных партийных систем.

Методика исследования

Для сравнительного тестирования индексов были проведены расчеты эффективного числа электоральных и парламентских партий как по формуле Лааксо и Таагеперы, так и по формуле Голосова для субъектов Российской Федерации, расположенных в Западной Сибири. Таким образом, в выборку попали 1 республика, 1 край и 4 области. Основой для расчетов послужили данные о результатах выборов в законодательные собрания соответствующих субъектов Федерации и о партийном составе этих органов за 2000–2010 гг., размещенные в базе данных Центра содействия демократии и правам человека «ГЕЛИКС» [19]. Эти данные более подробны и не содержат тех пропусков, которые характерны для сайта ЦИК РФ. Данные о результатах выборов 2011 г. взяты с официальных сайтов избирательных комиссий Омской и Томской областей [20, 21]. Переменные для вычисления ЭЧП_Э были взяты из итогов голосования по пропорциональной части, а подсчет переменных для определения ЭЧП_П был проведен на основе опубликованных списков депутатов без учета позднейших довыборов. Поэтому в круг внимания не попали выборы в Государственную думу Томской области 2001 г.: они были проведены по системе относительного большинства, а все избранные на них депутаты выступали как самовыдвиженцы, и их партийная принадлежность формально не фиксировалась. Из-за отсутствия пропорциональной части не представляется также возможным исчисление ЭЧП_Э на выборах парламентов Алтайского края в 2000 г., Республики Алтай и Новосибирской области в 2001 г., Омской области в 2002 г.

Таблица 1

Эффективное число электоральных партий на выборах в законодательные собрания регионов Западной Сибири

Субъект Федерации	Год выборов	Число списков партий	Число партий в законодат. собрании	Эффективное число партий		Взаимное отклонение индексов
				по Лааксо и Таагепере	по Голосову	
Республика Алтай	2006	13	6	8,16	5,26	2,9
	2010	4	4	3,37	2,55	0,82
Алтайский край	2004	6	4	5,5	4,06	1,44
	2008	4	4	2,83	2,07	0,76
Кемеровская область	2008	4	2	1,25	1,17	0,08
Новосибирская область	2005	7	4	5,26	3,57	1,69
	2010	4	4	3,33	2,78	0,55
Омская область	2007	7	2	2,7	1,95	0,75
	2011	6	4	3,77	3,04	0,73
Томская область	2007	8	5	3,73	2,64	1,09
	2011	6	4	3,94	3,13	0,81

Результаты расчетов представлены в табл. 1 и 2. Для наглядности показатели ЭЧП_Э сопоставлены с общим числом партийных списков, зарегистрированных на данных выборах, и числом партий, прошедших по итогам выборов в законодательное собрание. Вместе с показателями ЭЧП_П представлены общее количество партий, представленных в законодательном собрании, и доля мест, полученных в нем крупнейшей партией. Наконец, таблицы обоих показателей дополнены расчетом отклонения ЭЧП по формуле Голосова от индекса Лааксо – Таагеперы.

Выводы

1. За период 2000-х гг. уровень фрагментации всех изученных региональных партийных систем и региональных парламентов заметно снизился, причем темпы этого снижения примерно соответствуют скорости дефрагментации федеральной партийной системы. Исключение составляет только Кемеровская область, где система партии-гегемона (по терминологии Сартори) сложилась еще в допутинскую эпоху. Хотя в настоящее время в Западной Сибири нет однопартийных законодательных собраний, доминирование (если не гегемония) «Единой России» во всех регионах очевидно. Таким образом, динамика российской партийной системы от «бесформенного плюрализма» к «доминирующей власти» [22. С. 56] подтверждает себя не только на федеральном, но и на региональном уровне.

2. При расчете ЭЧП_Э формула Голосова действительно дает более низкие показатели, по сравнению с индексом Лааксо – Таагеперы. Сопоставление количества партийных фракций в региональных парламентах с показателями их электоральной поддержки позволяет говорить о том, что реальная борьба за власть местами разворачивалась между меньшим числом партий, чем показывает формула Лааксо – Таагеперы. Однако точная интерпретация этих результатов затрудняется изменениями региональных избирательных систем, в результате которых пропорциональная часть появилась в большинстве регионов только с середины 2000-х гг.

3. Если взаимное отклонение индексов Лааксо – Таагеперы и Голосова для электоральных партий невелико (абсолютный показатель отклонения колеблется в диапазоне от 0,08 до 2,9, а средний равен 1,12), то для парламентских партий картина выглядит совершенно иначе. Здесь в большинстве случаев показатели отличаются в 2 раза или даже более. Особенно выделяются случаи Республики Алтай в 2001 г., где абсолютная разница индексов составила 15,12, Алтайского края в 2000 г. (14,14) и Омской области в 2002 г. (33,6). Все приведенные случаи характеризуются отсутствием выборов по партийным спискам и абсолютным меньшинством партийных депутатов в составе парламента. Например, Законодательное собрание Омской области в 2002–2007 гг. состояло из 5 депутатов от КПРФ и 25 самовыдвиженцев. Таким образом, наибольшее расхождение индексов приходится на фактически беспартийные ассамблеи.

Таблица 2

**Эффективное число парламентских партий в законодательных собраниях регионов
Западной Сибири**

Субъект Федерации	Год выборов	Число партий в законодательном собрании	Доля мест крупнейшей партии	Эффективное число партий		Взаимное отклонение индексов
				по Лааксо и Таагепере	по Голосову	
Республика Алтай	2001	2	0,24	16,64	1,48	15,16
	2006	6	0,32	6,51	3,39	3,12
	2010	4	0,56	2,92	1,79	1,13
Алтайский край	2000	2	0,22	15,92	1,78	14,14
	2004	4	0,27	6,46	3,13	3,33
	2008	4	0,54	3,02	1,92	1,1
Кемеровская область	2003	1	0,97	1,06	1	0,06
	2008	2	0,97	1,06	1,04	0,02
Новосибирская область	2001	4	0,25	12,67	4,55	8,12
	2005	4	0,38	4,79	2,48	2,31
	2010	4	0,63	2,22	1,65	0,57
Омская область	2002	1	0,17	34,6	1	33,6
	2007	2	0,86	1,32	1,16	0,16
	2011	4	0,63	2,16	1,7	0,46
Томская область	2007	5	0,64	2,36	1,52	0,84
	2011	4	0,64	2,2	1,69	0,51

4. Еще более ясным становится значение этого взаимного отклонения при анализе примера Кемеровской области, где тип партийной системы на протяжении всего изучаемого периода не вызывает сомнений. Показатели ЭЧП_П в обеих версиях для этого региона едва различаются. И все же разница чувствительна. Индекс Лааксо – Таагеперы дает один и тот же показатель 1,06 и для 2003 г., и для 2008 г. Но в 2003–2008 гг. единственный депутат областного совета, не входивший в состав губернаторского блока «Служу Кузбассу!», был самовыдвиженцем, а с 2008 г. место единственного оппозиционера занял депутат от «Справедливой России». Индекс Голосова улавливает это различие и повышает значение с 1 для 2003 г. до 1,04 для 2008 г. Подобное расхождение индексов позволяет сделать вывод о качественных различиях в целевом назначении названных формул. Если индекс Лааксо – Таагеперы указывает на степень фрагментации законодательного органа, то индекс Голосова – на степень партийности парламента (т.е. на степень представленности в нем разных партий) и уровень межпартийной конкуренции.

5. Полученные данные позволяют указать как на достоинства индекса Голосова, так и на предполагаемые недостатки этого исследовательского инструмента. Очевидно, что главное из достоинств – это более точное «взвешивание» доли крупнейшей партии, с которой далее сравниваются результаты остальных. Особенно заметен этот эффект при исчислении ЭЧП_П. Такая степень точности позволяет, в частности, четко отделить системы с доминирующей партией от двухпартийных систем. Однако индекс Голосова слабо реагирует на степень охвата партиями депутатского корпуса и поэтому гораздо менее способен отличать беспартийные (или точнее «малопартийные») системы от систем партии-гегемона. А эта способность важна при анализе процессов становления партийных систем, в том числе региональных. Впро-

чем, данные, на которых основана эта статья, недостаточно представительны для однозначного вывода по этому вопросу.

6. Предложенная корректировка использования данных инструментов исследования позволяет по-новому посмотреть на динамику партийных систем в Западной Сибири. Изменения показателей эффективного числа партий свидетельствуют о том, что в начале 2000-х гг. в изучаемых регионах (за исключением Кемеровской и Новосибирской областей) преобладали фрагментированные беспартийные системы. Снижение уровня фрагментации под воздействием федеральных реформ в ряде регионов сопровождалось в середине 2000-х гг. активизацией межпартийной конкуренции. Однако примерно с 2006 г. эта конкуренция свертывается, что повсеместно приводит к однопартийному доминированию. Таким образом, еще одной тенденцией развития региональной политики во второй половине 2000-х гг. становится унификация партийных систем. Лишь выборы в законодательные собрания Омской и Томской областей, состоявшиеся в декабре 2011 г., дают некоторое отклонение от этой тенденции: индекс ЭЧП_Э (причем вне зависимости от формулы расчета) показывает заметное повышение уровня межпартийной конкуренции. Однако эффекты смешанной избирательной системы отчасти нивелировали это изменение, и в результате показатели ЭЧП_П (а с ними и доминирующие позиции «Единой России») в обоих региональных парламентах устояли. Станет ли это началом нового оживления парламентской конкуренции в субъектах Федерации или останется только временной флуктуацией региональных партийных систем – покажет время.

Литература

1. Гельман В.Я. Исследования партий в России: первые десять лет // Политическая наука. 1999. №3. С. 101–172.
2. Елисеев С.М. Политические партии России как агенты и симулякры национального поля политики // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 2004. Сер. 6. Вып. 2. С. 66–72.
3. Роуз Р. Мишлер У. Модель спроса и предложения институционализации партийной системы: российский случай // Вестник общественного мнения. 2008. №6(98). С. 19–29.
4. Макаренко Б.И. Партийная система России в 2008 году [Электронный ресурс] // Институт общественного проектирования. М., 2005–2011. – Режим доступа: <http://www.inop.ru/files/Chapter12.pdf> (дата обращения: 19.12.2011).
5. Голосов Г.В. Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006.
6. Кынев А. Выборы парламентов российских регионов 2003–2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. М.: Центр «Панорама», 2009.
7. Шашкова Я.Ю. Российская партийная система в условиях трансформации политического режима (конец XX – начало XXI в.) / Я.Ю. Шашкова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 180 с.
8. Дюверже М. Политические партии. М.: Академический проект, 2000.
9. Голосов Г.В. Сравнительная политология: Учебник. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2001.
10. Blondel J. Types of Party Systems // The West European Party System / Ed. by P. Mair. Oxford: Oxford University Press, 1990. P. 302–310.
11. Исаев Б.А. Современное состояние теории партий и партийных систем // Социально-гуманитарные знания. 2008. №2. С. 128–140.
12. Laakso M., Taagepera R. The «Effective» Number of Parties: A Measure with Application to West Europe // Comparative Political Studies. 1979. April. P. 3–27.
13. Gallagher M., Mitchell P. (eds), The Politics of Electoral Systems. Oxford and New York: Oxford University Press, 2008.

14. *Сморгунов Л.В.* Современная сравнительная политология. М.: РОССПЭН, 2002. 472 с.
15. *Kline R.* How we count counts: The empirical effects of using coalitional potential to measure the effective number of parties // *Electoral Studies*. Vol. 28. 2009. P. 261–269.
16. *Pedersen M.N.* The Dynamics of European Party Systems: Changing Patterns of Electoral Volatility // *European Journal of Political Research*. 1979. Vol. 7, №1. P. 1–26.
17. *Dunleavy, P., Voucek, F.* Constructing the number of parties // *Party Politics*. 2003. Vol. 9, №3. P. 291–315.
18. *Голосов Г.В.* Мир партийных систем и партийные системы мира [Электронный ресурс] // Полит. Ру. Информационно-аналитический портал. М., 1999–2011. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/lectures/2011/04/06/partyism.html> (дата обращения: 15.12.2011).
19. *Российская* электоральная статистика [Электронный ресурс] // Центр содействия демократии и правам человека «ГЕЛИКС». Электрон. база дан. СПб.: АНО «Геликс»; Г.В. Голосов, 2008–2011. – Режим доступа: <http://db.irena.org.ru/> (дата обращения: 01.12.2011).
20. *Сведения* о проводящихся выборах и референдумах [Электронный ресурс] // Избирательная комиссия Омской области. – Режим доступа: <http://www.omsk.vybery.izbirkom.ru/region/omsk> (дата обращения: 25.12.2011).
21. *Сведения* о проводящихся выборах и референдумах [Электронный ресурс] // Избирательная комиссия Томской области. – Режим доступа: <http://www.tomsk.vybery.izbirkom.ru/region/tomsk> (дата обращения: 25.12.2011).
22. *Гельман В.Я.* От «бесформенного плюрализма» – к «доминирующей власти»? (Трансформация российской партийной системы) // *Общественные науки и современность*. 2006. №1. С. 46–58.